

УЧЕНИЕ О ЮРИДИЧЕСКОМ ЛИЦЕ КАК ПРАВОВОЙ ФОРМЕ, А НЕ СУБЪЕКТЕ ПРАВА ЛЮДВИГА ЛЮДВИГОВИЧА ГЕРВАГЕНА

*Борисов Андрей Маркович,
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
e-mail: andrei_borisov@mail.ru*

Аннотация. Теория юридического лица зародилась в Европе и в трудах российских юристов освещалась, подвергалась критике и развивалась с начала второй половины XIX века. Актуальность темы обусловлена дискурсивностью проблемы юридического лица, необходимостью осмысления отечественных историко-правовых традиций и отражением эволюции правовой идеи юридизации коллективных форм до формирования института юридического лица. Для раскрытия темы использованы методы описания, анализа, сравнения и обобщения изучаемого материала. Выводы состоят в следующем: на фоне плеяды известных и малоизвестных, но представивших заслуживающие научного внимания работы, российских юристов, признающих рациональность включения в законодательство норм о фиктивных субъектах права, выделяется позиция Людвига Людвиговича Гервагена, квинтэссенцией которой является вполне обоснованная мысль о несостоятельности, ложности и вредности учения о юридическом лице; ученый доказывает неприменимость термина «право собственности» к фиктивным личностям; признавая исключительную роль в правоотношениях человека, Л.Л. Герваген предложил новую концепцию юридизации союзных отношений, и автор находит возможным рассматривать последовательно и на протяжении почти тридцати лет выражаемые правоведом взгляды как учение о действительном субъекте права – человеке, противостоящим учению о юридическом лице.

Ключевые слова: история государства и права, наука права, правовое учение о реальном субъекте права, союзное образование, юридическая фикция, юридическое лицо.

К середине XIX века научное осмысление феномена искусственной юридической личности представили вслед за Ф.К. Савиньи (1779-1861), заложившим основы теории фикции, многие европейские правоведы¹.

Их труды становились известными российским юристам, и одна из первых отечественных работ 1851 г. принадлежит К.А. Неволину² (1806-1855), который, писал о юридическом лице, но не углублялся в теорию

¹ Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С 4–18.

² Неволин К.А. История российских гражданских законов / Соч. Константина Неволина. Т. 1-3. СПб., 1851. – 3 т.; 22. Книга вторая об имуществах. Раздел третий о правах на действия лиц и раздел четвертый о наследстве. – X, 546 с.

субъектов права. По прошествии тринадцати лет эту тему описательно изложил Д.И. Мейер¹ (1819-1856), осветив основные посылы к образованию юридической личности, некоторые элементы ее статуса и приведя некоторые примеры по действующим гражданским и иным законам. Первое глубокое исследование по соответствующей тематике подготовил в 1865 г. В.Ю. Александров², критически проанализировавший труды 21-го европейского юриста, изданные в период с конца 20-х годов до начала 60-х годов XIX века, и доказательно представивший собственное мнение по ряду теорий.

Последующие два издания также принадлежат молодым ученым, завершившим своими исследованиями студенческие годы, – С.А. Муромцеву³ (1850-1910) и А.А. Евецкому⁴ (1856-1885), которым ко времени издания книг исполнилось, соответственно, 22 года и 20 лет.

Если говорить о вкладе этих юристов в развитие университетских научных юридических школ, то зачинателями осмысления теории юридического лица выступили представители Императорского Санкт-Петербургского университета – К.А. Неволин и Д.И. Мейер. Право называться первыми заслужили выпускники Императорского Московского университета – В.Ю. Александров и С.А. Муромцев (обращался к проблеме юридической личности также в 1883 и 1897 гг.). В последующие годы участие ученых от этих лидирующих учебных заведений было равновесным. Две работы представлены от Императорского Харьковского университета (А.А. Евецкий, 1876; Д.Д. Grimm⁵, 1914) и одна от Императорского Казанского университета (Г.Ф. Шершеневич⁶, 1893; обращался к данной теме в 1911 и 1914 гг. уже как представитель Московского университета).

Практически все авторы, чьи труды (34 произведения) рассматривались на предмет эволюции и содержания института юридического лица (В.Ю. Александров, Н.П. Боголепов, Л.Л. Герваген,

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. – 3-е изд., испр. согласно определениям новейшего законодательства. СПб., 1864. – [4], VI, [2], 790 с.

² Александров Виктор. Учение о лицах юридических, по началам науки: Рассуждение студента Имп. Моск. ун-та, Юрид. фак., 4 курса Виктора Александрова, "удостоен. золотой медали". М., 1865. – 150, II с.

³ Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт о истории римского права / [Соч.] Сергея Муромцева. М., 1875. – [6], 189 с.

⁴ Евецкий, А.А. О юридических лицах / [Соч.] А. Евецкого. Киев, 1876. – [2], 63 с.

⁵ Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права: Пособие для слушателей / проф. Д.Д. Grimm. – Издание четвертое, исправленное и дополненное. СПб., 1914. – XIV, 421 с.

⁶ Курс лекций по гражданскому обязательственному праву, читанный в 1892/93 году экстраординарным профессором Шершеневичем. Казань, 1893. – 283 с. (Написано от руки. Литограф).

Д.Д. Гримм, Н.Л. Дювернуа, А.А. Евецкий, В.Б. Ельяшевич, К.Д. Кавелин, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, К.А. Неволин, И.А. Покровский, Н.С. Суворов, В.М. Хвостов, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич) занимали позицию признания искусственной личности субъектом права. Лишь один из них – Л.Л. Герваген, которому посвящена статья, – последовательно выражал прямо противоположные взгляды, предлагая разрабатывать учение об обязанностях людей действовать в частных или публичных интересах. Иными словами – учение о представительстве коллективных образований и учреждений.

К сожалению, об этом отечественном ученом ни сведений о жизни и профессиональной юридической деятельности, ни фотографии найти не удалось. Известны несколько фактов: указания на год рождения (1860), и происхождение из семьи представителей духовенства¹; членство в Свенцяном вольном пожарном обществе²; несколько изданных трудов и работ³. В целом научная творческая деятельность Л.Л. Гервагена характеризуется несколькими известными работами. Электронный каталог Российской государственной библиотеки информирует о семи публикациях, которые мы расположим в хронологическом порядке по году издания: «Развитие учения о юридическом лице», Санкт-Петербург, 1888 г.; «Разумно-ли врать?», Санкт-Петербург, 1899 г.; «Обязанности как основание права», Санкт-Петербург, 1908 г.; «Имеют ли международные соглашения свойства права?», Петроград, 1915 г.; «На чем основано разделение права на публичное и частное, гражданское?», Петроград, 1915 г.; «Характер [и] защита владения», Петроград, 1916 г.; «Институт собственности, как основание системы гражданских прав, и учение о юридическом лице», Петроград, 1917 г.

Личность автора указанных произведений немного приоткрывается посвящением одного из своих трудов родителям. В книге «Обязанности как основание права» указывается на одной из первых страниц: «Посвящается памяти моих родителей⁴. На следующей странице предисловие начинается эпитафией «Главными факторами улучшения жизненных условий являются нравственное усовершенствование и культурный труд отдельных людей»⁵.

Эти слова характеризуют автора как человека, размышлявшего о способах преобразования общества, которые находятся не столько в

¹ Высшее чиновничество Российской империи [Текст]: краткий словарь / С.В. Волков. М., 2016. – 798 с.: ил. С. 162.

² Памятная книжка Виленской губернии... Вильна, 1850-1915 – 18-22. на 1897 год – 1896. – 363 с. С. 206.

³ Российская государственная библиотека. См: <https://www.rsl.ru/>.

⁴ Герваген, Л.Л. Обязанности как основание права / Л.Л. Герваген. СПб., 1908. – 207 с.; 22 см. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

правовых, сколько в моральных нормах, по которым живут люди. Второй фактор – культурный труд – также определяется сознанием отдельного индивида, организаторов труда, в том числе представителей власти, и народных масс.

Как ученый решал проблему юридического лица?

Менее всего противоречивости в суждениях содержат труды Л.Л. Гервагена, весьма щепетильно относившегося к раскрытию своих взглядов на право и его институты. В этих взглядах проявляется приверженность автора отражению в праве реально складывающихся отношений, что, по его мнению, способствует ясности правовых учений и формирующихся на их основе законодательных установлений. Его работы не наполнены пространными критическими эскерцициями по отношению к известным многочисленным учениям о праве, предложенным зарубежными и российскими правоведами, но в них преобладает самостоятельный творческий поиск и взгляд, выделение основных характеристик правовых явлений и утверждение нового юридического знания, логически последовательное раскрытие вопросов правового института юридического лица, что позволяет оценить содержание трудов автора по исследуемой проблеме псевдоперсон как учение Л.Л. Гервагена о реальном субъекте права или о юридическом лице как правовой форме обособления имущества и труда людей.

Тема союзных образований и, частично, теории фикций в праве, затронута ученым в нескольких трудах, которые были опубликованы в течение почти тридцати лет, что свидетельствует о серьезном отношении к данной проблематике и глубокой авторской проработке разных аспектов правового оформления фигуры юридического лица. Мы рассмотрим три из его работ – «Развитие учения о юридическом лице» (1888 г.), «Обязанности как основание права» (1908 г.) и «Институт собственности, как основание системы гражданских прав, и учение о юридическом лице» (1917 г.).

Предварительно отметим, что до начала XX века категория «юридическое лицо» отсутствовала в российском законодательстве (исключая законы, применяемые на некоторых окраинных территориях Российской империи) и создаваемые промыслы, производства, компании и учреждения не имели особого статуса искусственной личности. Однако следует отметить, что, во-первых, с 1832 г. (год издания; 1835 г. – год вступления в действие) Собрание законов Российской империи в X томе «Гражданские законы» (статья 698) определяло, что кроме членов Императорского Дома и частных лиц могли приобретать имущества дворцовые управления, казна, общества (дворянские, городские, сельские), епархиальные начальства, монастыри и церкви, кредитные установления, богоугодные заведения, учебные и ученые заведения, сословия лиц

(товарищества, компании, конкурсы), которые не назывались юридическими лицами, но приобретали статус правообладателей имущества. Во-вторых, юридическому лицу как субъекту права уделялось внимание в той части российских законов, которая применялась в пределах европейских окраин империи.

Развитие Л.Л. Гервагеном взглядов на фикцию в праве

Первую работу автор посвятил Николаю Львовичу Дювернуа «въ знакъ глубокаго уваженія и душевной признательности»¹.

В предисловии автор отмечает, что римское право характеризуется как право, обеспечивающее потребности людей в практической жизни, но не решающее теоретических задач правового свойства (такой взгляд выражался многими европейскими и отечественными юристами). Со временем развитие общества и вовлечение в различные правоотношения значительных масс людей объективно определили задачу теоретического обоснования правовых требований и установлений властей, как светских, так и религиозных.

Применительно к современному ему периоду развития права Л.Л. Герваген писал, что «наша юриспруденція обратилась главнымъ образомъ къ выясненію правовыхъ понятій, т.е. превратилась въ теоретическую область познанія права»². По этой причине юридическая наука «должна была отказаться отъ примѣненія фикцій, такъ какъ этотъ пріемъ вообще не въ силѣ выяснить намъ правовыя понятія и дать изображеніе истины»³.

Римские юристы расширяли применение первоначальных правовых установлений, сообразуя их с новыми условиями, но не ставили знака равенства между прежними и новыми правовыми явлениями, требующими регулирования. Для достижения целей практического значения они прибегали к уподоблению одних явлений другим, создавая фиктивные юридические конструкции. Однако впоследствии, как писал Л.Л. Герваген, правоведы стали рассматривать такие явления как тождественные друг другу, забывая об обусловленности таких уподоблений (фикций) в римских юридических текстах соображениями практического свойства и придавая практическому приему регулятивного характера научное теоретико-правовое значение, подбирая для описания разнородных социальных явлений схожие признаки.

¹ Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице / соч. Л.Л. Гервагена. СПб., 1888. – XV, [1], 91 с.; 24 см. Предисловие. С. III.

² Там же. Предисловие. С. V-VI.

³ Там же. С. VI.

Этот путь развития права, как полагает автор, привел юристов к отрыву от действительности, что не было характерно для римского права, и образовавшийся разрыв условного и реального (юридического и фактического) только увеличивался с «изобрѣтеніемъ новыхъ фикцій»¹.

Среди учений, основанных на фикциях, автор называет учение о корпорациях, установлениях и «лежащем наследстве» (*hereditas jakens*) как о юридических лицах, рассматриваемых современной ему юриспруденцией в качестве действительных субъектов права.

Свой анализ соответствующих учений европейских и российских юристов Л.Л. Герваген проводит посредством обращения к живым явлениям в области права, учета действительного в этих явлениях и на основе реальных конструкций, избегая метода вымыслов². Определив целью исследовать понятие и природу юридического лица, автор использует труды сорока двух ученых-правоведов, в том числе оценивает позиции семи русских юристов (А.А. Евецкого, С.А. Муромцева, К.Д. Кавелина, Д.И. Азаревича, К.А. Митюкова, Н.Л. Дювернуа, К.А. Неволина)³. Основывая свои позиции на такой научной базе, он доказывает обоснованность принципиально отличной от известных форм формы союзов.

Разделяя задачи борьбы с фикциями в учении о субъектах права и задачи разработки заменяющих соответствующие конструкции положений, автор указывает, что по первому вопросу достаточно доказать факт построения современного учения о юридическом лице на вымысле, а по второму, связанному с созданием нового учения, «требуется послѣдовательное и беспощадное вытѣсненіе фикціи не только изъ ученія о лицахъ, но и изъ ученія о правѣ собственности и изъ ученія о правѣ въ субъективномъ смыслѣ вообще»⁴, для чего нужна «перестройка всего зданія права»⁵.

Следует коснуться вопроса о структуре исследования, которое кроме предисловия включает вступление, раздел о греческой и римской философии, римской юриспруденции, христианской теологии и средневековой юриспруденции, предшествующих появлению учения Ф.К. Савиньи. Далее следует раздел, раскрывающий четыре группы теорий и их критику, а также раздел о мнениях русских правоведов по поводу мнимых субъектов права.

¹ Там же.

² Там же. С. VII-VIII.

³ В доступных изданиях Д.И. Азаревича и К.А. Митюкова применительно к нашей теме заслуживают внимания тезисы об институте представительства.

⁴ Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. Указ. соч. С. VIII.

⁵ Там же.

Сложность решения проблемы юридического лица Л.Л. Герваген видит в необходимости разрешения фундаментальных вопросов юриспруденции – понятий лица, субъекта права, субъективного права, права собственности.

Зачатки идеи о понятии юридического лица обнаруживаются в наследии Древней Греции и Древнего Рима. Затем это учение развивается христианской теологией, а в средние века – глоссаторами, канонистами и легистами. Однако лишь со времени Ф.К. Савиньи, обратившего свой взгляд на природу юридического лица, «въ наукѣ съ большею тщательностью стали обращать вниманіе и на *философскую подкладку* этого понятія»¹.

Развитие корпоративной жизни и правовых учений привело в XIX столетии к появлению различных теорий, обнаруживающих недостаточность объективного взгляда на исследуемую проблему, и эти теории ученый разделил на четыре группы.

Первая из них выставляет искусственного субъекта права, созданного в государстве с помощью юридической фикции или наделяемого ролью личности в праве. Вторая группа мнений связана с утверждениями: а) о фактическом отсутствии субъекта; б) о замене такового понятием или целью; в) о том, «что даетъ лицу власть распоряженія правомъ»² (дается разъяснение, что это, например, бумага на предъявителя, лицо которой не определено). К третьей группе отнесены теории, авторы которых признают существование действительного, реального субъекта, не являющегося человеком, но называемого лицом. Четвертая группа учений также обнаруживает действительного субъекта прав, но показывает таковым человека – человек как субъект прав юридического лица.

Общим для всех теорий является то, что их создатели черпают свои мнения и аргументацию из одного источника – римского права. Различий много, и, кроме основных вышеуказанных, в том числе касающиеся рассмотрения союзов людей только применительно к их гражданским правам, без внимания к публично-правовой стороне их существования³.

Представление о взглядах древнегреческих философов на союзы дано на основе трудов О. Гирке и, частично, О.А. Больце: союзы сопоставлялись с государством и само государство рассматривалось как союз, состоящий из семейств, общин и ассоциаций; право связано с государством и понимается в объективном смысле как установленный гармонический порядок общежития и объективное право признавало человека особенным существом, частью организованного целого,

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

гражданином, предназначенным для государства; понятие субъективного права отсутствовало; не было выработано понятие гражданского права, но гражданин обладал политической свободой; государство – это особенное реальное существо, но не лицо. Приводятся взгляды Платона (государство есть человек в больших размерах и власть государства находится в руках представителя государственной власти) и Аристотеля (государство – это живой организм, состоящий из отдельных частей; его единство формальное, коллективное и чисто логическое; государство – это общность, а полис – организованный народ; действующее лицо – не государство как целое, а активная, господствующая его часть). Некоторые учения признавали существование человеческих союзов, но они не воспринимались как субъекты права¹.

Римская философия основывалась на учениях древних греков: государство – особенное существо, оно состоит из общности прав и интересов, связывающих множество; государственное право – это субъективное право народа как совокупности римских граждан.

Что касается римской юриспруденции, то в изложении этого вопроса автор опирается преимущественно на работы О. Гирке и делает собственные выводы, в частности, о том, что в ней обнаруживаются «отголоски учения греческой философии»².

В римской юриспруденции нет какой-то теории юридического лица, но есть отдельные, разбросанные в источниках римского права изречения, относящиеся к различным авторам и разным историческим периодам, что исключает возможность их соединения в одну систему взглядов. Вместе с тем в ней выражены взгляды на публичное и приватное право, появляется понятие «субъект права», относимое к индивидам, а именно к римским гражданам, за которыми признавалась способность властно проявлять индивидуальную волю. Эта воля была признана государством и защищалась им как область частного права³. В приватном праве союз людей не рассматривался как органическая единица. Союз составляло множество субъектов или совокупность изолированных индивидуумов, соединенных правом, которая не образовывала субъективного целого. В публичном праве главным субъектом выступает государство, которое, являясь союзом и включая такие части как общины и корпорации, не признавалось отдельным лицом⁴.

Особое значение имущественных отношений в государстве определило необходимость определенного сопоставления союзов (сфера публичного права) и лиц (сфера частного права). Для физических лиц были

¹ Там же. С. 5-7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

разработаны нормы, связанные с имущественным оборотом, но материальное общее (государство, община и т.д.) также нуждалось в правовом оформлении, в увязке с частным сегментом и в правовой защите. Наиболее легкий путь решения этой проблемы – применить правила частного права к праву публичному, что и было воплощено в известных конструкциях римского права и в соответствующем использовании значений ряда терминов простым способом – перенесением правовой терминологии частного права в терминологический массив публичного права.

Поэтому, полагает Л.Л. Герваген, союзы назывались лицами, но только назывались, а не признавались таковыми¹.

Стоит обратить внимание на то, как автор раскрывает проблему языка в праве применительно к содержательной соотносимости используемых понятий: гораздо лучше для избежания недоразумений выражаться точно, нежели прибегать к фикциям, и «следовало бы выражаться точно тогда, когда чувствуешь неточность выражения и когда есть возможность избежать ее. В юриспруденции, однако, нередко поступают наоборот: фундаментом заключений служить сознанное неточное выражение, а, между тем, на таковыя заключения смотреть какъ на неопровергаемыя аксіомы»².

Юридическое наследие Древнего Рима содержит много названий, которые давались союзам людей, но не все из них получили такое закрепление их правового положения, какое обрели церковные учреждения. Мифологическое сознание имеет древние истоки и вполне естественно, что продукты мифологического мышления получили свое отражение в римском праве как логически-смысловые лексические элементы, отображающие действительность в общественных отношениях – влияние религии. Христианская религия дала римскому праву понятие «церковь», и это учреждение со временем стало признаваться участником гражданских отношений, тогда как в публичных отношениях она оставалась частью государства наравне с муниципиями.

Критическое осмысление эволюции права привело Л.Л. Гервагена к выводу о том, что дальнейшее развитие юриспруденцией понятия о церкви не что иное, как теологическая спекуляция, ибо изначально церковь – это совокупность всех верующих, живой организм или тело, «главою котораго является Христось»³. Затем она понимается как соединение верующих во Христе и как установление, предназначенное для веры и имеющее корпоративное начало. Позднее, в средние века, изначально представление о ней как о части государства трансформировалось и это

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 13-14.

образование вообще стало противопоставляться государству, а отдельные церкви были признаны установлениями, которые олицетворялись. Действующие при храмах или создаваемые представителями духовенства при них благотворительные установления также приобрели значение до определенной степени самостоятельных лиц. В социуме произошло разделение взглядов на церковь. Вся христианская (папская) церковь обрела статус единственного субъекта церковной власти и фактически стала субъектом высшего права управления имуществом отдельных церквей.

Очевидно, что эта позиция отвечала интересам некоторой части общества, тесно взаимодействующей с институтом церкви и, прежде всего, церковникам.

Однако для основной массы народа представителями церкви выражался и в сознании людей продолжал сохраняться традиционный взгляд на такие имущества, как на имущества, предназначенные Божеству, Его Святым и Покровителям церкви и являющиеся их собственностью¹.

К заслугам глоссаторов (XI-XIII вв.) Л.Л. Герваген относил: выработку юридической конструкции личности для государства, церковных союзов и корпораций (союз, признанный субъектом прав); признание за *universitas* публичных прав; рассмотрение представительства корпорации (одно или несколько физических лиц) в качестве опекуна или попечителя, что диктовалось соображениями о корпорации как о лице малолетнем и позволяло распространить на них известные привилегии и ограничения; признание корпораций способными совершать преступления, поскольку в них субъектами прав являлась определенная совокупность членов – представители (одно физическое лицо или несколько лиц). Тем не менее глоссаторы обошли внимание понятие юридического лица².

Канонисты (XII-XIX вв.) понимали под корпорацией всякое соединение людей, которое признавалось целым единством, и определяли церковь как *universitas* или *collegium*, придавая ей свойства личности, а священников – как представителей церкви. Такое понимание было перенесено и на светские соединения людей³. Термин «лицо» изначально применялся только применительно к церкви, исходя из позиции Иннокентия IV по вопросу о существовании юридического лица (оно существует в понятии как фикция, хотя в реальности его нет), интересы которого представляют его участники (члены союза). По мнению Л.Л. Гервагена в этой конструкции появляется еще одна фикция – мнение

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 15-18.

³ Там же. С. 18-20.

большинства представляется как мнение всей корпорации, а позднее статус корпораций дополнится способностью совершать деликты¹.

Воззрения канонистов с середины XVIII века приняли цивилисты (легисты): к корпорациям относятся всякие человеческие соединения; корпорация представлялась единством, независимо от перемены членов; корпорации наделялись волей и имели гражданские и публичные права, но признавались личностью только в гражданском праве; они признались субъектами прав, но активным представителем которых является администратор; корпорации обладали дееспособностью и могли совершать преступления; имущество корпорации и ее членов противопоставлялось (участник союза не имел прав на общее имущество). Общий итог: корпорация не есть реальное существо, а является совокупностью отдельных членов, которая посредством фикции признается лицом; представительство корпорации есть не представительство этого юридического лица, а представительство совокупности участников этого союза².

В середине XIX столетия сложилась теория олицетворения (Ф.К. Савиньи), которая также построена на фикциях, но характеризуется автором как теория цельная и относительно последовательная³.

Обойдем в нашем изложении особенности воззрений на юридическое лицо комментируемых Л.Л. Гервагеном правоведов и остановимся на ключевых положениях.

Первое соображение состоит в том, что всеми разработчиками этой теории не допускалось полное олицетворение, оно условно и состоит только в переносе на юридическое лицо понятия лица (личности). Второе – правоспособность союзов допускается лишь в гражданском праве. Третье положение связано с выделением трех видов юридических лиц (корпорации в широком смысле как совокупности людей, преследующих общие цели; созданные законом идеальные субъекты, которым принадлежит определенное имущество коллективного пользования; наследственная масса) и отделением казны от этих групп⁴. Четвертая особенность заключается в решении вопроса о предмете олицетворения (у одних – это цель, у других – соединение людей в корпорациях и имущество в установлениях, у третьих – только имущество). Пятое обстоятельство – все признают за юридическим лицом наличие воли и дееспособности⁵. Шестой факт – отрицается способность юридических лиц совершать преступления, поскольку они не являются мыслящими

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 21-24.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 28-30.

⁵ Там же. С. 30-32.

существами, только их представители могут совершать преступления, даже если они действуют в интересах юридического лица, и «Не слѣдуетъ отступать в уголовномъ правѣ отъ правила тождества преступника и наказуемого»¹.

Также признается, что юридические лица могут нести имущественную ответственность и отвечать перед гражданским судом², высказывается мнение о необходимости надзора за их деятельностью, а их ликвидация влечет переход имущества в собственность государства³.

Критикуя теории олицетворения (первая группа), Л.Л. Герваген указывает, что они отвечают не на вопрос о субъекте прав, а на вопрос о том, как обращаться с юридическими лицами (ответ – как с физическими лицами), они содержат противоречивые утверждения, умножают фиктивные построения и раздвигают пределы применения фикций в праве. Корпорации и подобные им союзы не лица, а определенные явления в правовой жизни людей⁴. В итоге мы получаем формальное определение юридического лица – это «*все, что признано закономъ таковымъ*»⁵.

Вторая группа теорий, признающих, что право возможно без лица, также подвергнута критике. Общий смысл позиции Л.Л. Гервагена заключается в их оценке как противоречивых по отдельным вопросам, акцентирующих внимание лишь на имущественных отношениях союзов и использовании фикций при исходной установке отказаться от них при решении проблемы юридического лица⁶.

Общим в третьей группе теорий является положение о том, что при юридическом лице существует реальный субъект, это не человек, но это лицо для целей правового регулирования. Признается участие союзов (естественных и фиктивных) не только в гражданско-правовых, но и в публично-правовых отношениях.

Исходя из анализа и критического разбора представленных Л.Л. Гервагеном положений соответствующих теорий становится очевидным, что их авторы опирались на другие, в том числе исторические, учения, предлагая свои, новые варианты обоснований тех или иных аспектов корпоративных отношений. Эти теории также используют инструментарий фикции, не отличаются полнотой и не лишены противоречий, а некоторые из них Л.Л. Герваген называет несостоятельными⁷.

¹ Там же. С. 33.

² Там же.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же. С. 38-39.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ Там же. С. 45-47.

⁷ Там же. С. 75.

Четвертая группа теорий основана на утверждении о человеке как о единственном субъекте права, но и в этих учениях автор не находит абсолютной ясности, точности толкований и непротиворечивости. За признанием факта – юридическое лицо не может иметь интересов и следствием – оно не может иметь и прав, например, у Р. Иеринга формируется взгляд на лиц, пользующихся выгодами от союза, как на действительных субъектов прав¹, и тогда право собственности подменяется правом пользования, теряя право владения и право распоряжения. Позитивно оцениваются взгляды О.А. Больце на коллектив членов союза как на действительного субъекта прав, а также на идеи об обязанностях и субъектах обязанностей применительно к объединениям людей, для чего нет необходимости в создании фигуры юридического лица, но также указывается на недостаточность привлечения к ответственности только представителей корпораций², в чем обнаруживается некоторая логическая непоследовательность. Объяснение таково: один вариант (отказ от искусственной личности в праве) исключает ее ответственность.

Весьма кратко представлены Л.Л. Гервагеном работы русских юристов, которые также демонстрируют разные подходы к проблеме юридического лица, зачастую солидаризируясь с европейскими исследователями.

Обратим внимание на тезисы, характеризующие две позиции. Первая выражена К.А. Митюковым, который считал юридическое лицо личностью идеальной и не способной к юридическим действиям, а также определял его как форму, вызываемую «социальными потребностями, выходящими за пределы частных интересов отдельных лиц»³. Подчеркнем особо, что речь идет о правовой форме союзных образований. Вторая позиция принадлежит Н.Л. Дювернуа, который полагает необходимым «подробнее изучать мир живых, реальных явлений»⁴, а это выражение реалистичного подхода к оценке правовых явлений.

Первую идею и последнее напутствие Н.Л. Дювернуа Л.Л. Герваген взял за основу дальнейшей работы над проблемой юридического лица.

Взгляды Л.Л. Гервагена на юридическое лицо двадцать лет спустя

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 83-87.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же.

В 1908 году выходит в свет книга под названием «Обязанности как основание права»¹, в которой, наряду с широким кругом вопросов, Л.Л. Герваген рассматривает природу союзов людей, их права в объективном и субъективном смысле, обязанности по отношению к союзу и деликты участников союзов людей.

Многие вопросы в данной работе изложены в нравоучительном стиле и некоторые свои мысли автор излагает на основе религиозных чувств и знаний. Отдельные тезисы юридического содержания, если не говорить об их ошибочности, отличаются неполнотой отражения тех или иных правовых явлений. Однако мы позволим себе не останавливаться на положениях, не затеняющих основного во взглядах ученого, и продолжим рассмотрение проблемы юридического лица, тем более что взгляды Л.Л. Гервагена действительно радикально отличаются от позиций большинства европейских и русских юристов.

В предисловии автор указывает, что в книге «Развитие учения о юридическом лице» (1888 г.) им была сделана попытка «доказать шаткость выставленнаго наукою о правѣ ученія о юридическомъ лицѣ»², а в настоящей работе он пытается доказать, что нет необходимости в установлении особого учения об этой условной личности при предлагаемом им взгляде на понятия о праве в объективном и субъективном смысле, понятия правовой обязанности и собственности.

Рассуждая о стремлении людей к образованию союзов для совместной деятельности соединенными силами, Л.Л. Герваген пишет, что в этом случае человек добивается «гораздо большихъ благъ, нежели если бы онъ оставался одинъ»³. Во всех союзах их участники стараются регулировать взаимные отношения и образуют высшую в союзе власть.

Подчеркнем, что вышеизложенное означает создание внутрисоюзных правил (норм взаимной деятельности) и органов управления союзом.

Существующие союзы (самым сильным союзом автор называет государство) способствуют образованию новых соединений людей и этим создаются новые правовые центры, цели которых различны – общая работа или отдых, добывание благ природы, торговля, духовно-нравственное и

¹ Герваген, Л.Л. Обязанности как основание права / Л.Л. Герваген. СПб., 1908. – 207 с.; 22 см.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 77 (в данном тезисе мы можем отметить точное указание на основные факторные условия развития общества – деятельность человека, объединение людей и необходимый для жизни результат такой коллективной деятельности, а применительно к союзам можно говорить о соединении в них, кроме имуществ, людей и их труда).

физическое воспитание, отправление религиозных взглядов, а также противоправная деятельность¹.

Совокупность правил внутрисоюзного поведения образует право союза в объективном смысле и акты органа управления союзом имеют объективный характер. Под правом в субъективном смысле понимается право члена союза действовать определенным образом под защитой союза. Предписанное члену союза поведение в форме действия или бездействия² образует правовую обязанность по отношению к данному союзу, а предписание действовать – долг по отношению к союзу. Права и обязанности в субъективном смысле существуют не только для простых членов союза, но и для лиц, выполняющих функции управления в союзе, а также для иных лиц и союзов³.

Не-люди (автор относит к ним корпорации, учреждения, наследственную массу, животных и вещи), не могут быть признаны субъектами субъективных прав и правовых обязанностей в силу своей недееспособности. Отмечая, что в современном законодательстве дееспособность юридических лиц искусственна, фиктивна, он достаточно просто объясняет эту мнимость тем, что реальные действия фактически совершают физические лица, в частности, администраторы. Правоспособны и дееспособны только люди, почему Л.Л. Герваген называет нелепостью состоявшееся наделение юридических лиц правоспособностью и одновременное признание их недееспособными⁴, и важным обстоятельством юридического характера следует признать нормативное закрепление статуса представителей юридического лица в законодательстве страны⁵.

Безусловно, данные обстоятельства признаются многими европейскими и отечественными юристами, но не все из них взяли на себя смелость развить идею представительства в юридическом ключе и развить ее на новых началах. Идея Р. Иеринга о союзе как правовой форме получила иное наполнение во взглядах Л.Л. Гервагена, стремившегося выделить фактическое в правоотношениях. Его представления можно выразить кратко: союз людей может получить отражение в законодательстве как правовая форма; необходим пересмотр норм права относительно статуса представителей союза и способов их взаимодействия с другими субъектами права.

¹ Там же. С. 77-78.

² Предписание – способ правового регулирования в рамках императивного метода правового регулирования.

³ Там же. С. 82-84.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 88-89.

Взгляды Л.Л. Гервагена на юридическое лицо спустя еще десять лет

В предисловии издания, увидевшего свет в 1917 году¹, Л.Л. Герваген пишет, что культурный и нравственный труд людей полезен для союзов и он должен вознаграждаться по справедливости², а институт собственности – это институт, присущий большинству союзов людей³, и являющийся основанием всякой совместной жизни людей⁴.

Таким образом очевидна мысль не только об имуществах, но и о труде как явлении факторного значения в вопросе создания человеческих союзов. Подчеркнем особо: автор, пусть вскользь, но упоминает труд, совместную деятельность, которые также как и имущество находят оформленное определенным образом выражение в различных союзах людей.

Опуская тезисы о собственности и обладании ею, имеющие политический характер, согласимся с двумя утверждениями автора. Первое состоит в том, что вопрос «о понятии собственности имѣть тѣсную связь съ вопросомъ о томъ, кто именно признается собственникомъ...»⁵. Второе констатирует выделение господствующей теорией права двух групп лиц – лиц физических и лиц юридических.

Такой взгляд на субъектов права основан на применении фикции, «а не на обобщенияхъ явленій дѣйствительной жизни»⁶, учение, имеющее в своей основе фикцию должно быть признано несостоятельным, а с учетом изложенных в вышеприведенных работах соображений («Развитие учения о юридическом лице», 1888 г.; «Обязанности как основание права», 1908 г.) автор вновь заявляет о своей несогласии с существующими взглядами на общее понятие права и на собственность⁷. Изложение законов должно быть более ясным и всем понятным, для чего следует отказаться от «примененія какихъ либо вымысловъ»⁸ и такой путь рано или поздно «будет избранъ, вопреки мнѣнію господствующаго ученія, упорно не желающаго отказываться при выясненіи правовыхъ понятій отъ примѣненія фикцій и тратящаго, совершенно непроизводительно, на

¹ Герваген, Л.Л. Институтъ собственности, какъ основаніе системы гражданскихъ правъ, и ученіе о юридическомъ лице / Л. Л. Герваген. ПГг., 1917 (тип. Я. Башмаков и К°). – VI, 85 с.; 22 см.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 1-2.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 6-7.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 9.

оправдание своих искусственных строений, явно противоречащих жизни много ума и времени»¹.

По мнению Л.Л. Гервагена, учение о праве собственности определяет характер остальных отдельных учений, в том числе учение о лице (субъекте права), о его правоспособности и дееспособности, о действиях лиц через своих представителей². Задаваясь вопросом о том, что требуется для правильной переработки правовых понятий, автор отвечает: необходимо, «чтобы определения правовых понятий были основаны на правильных обобщениях действительных явлений жизни, а не на применении вымыслов»³. Развивая идею Р. Иеринга о союзных образованиях как об обращенной во вне форме, ученый утверждает, что «Общества и установления не являются лицами, а только формами совместной деятельности людей!»⁴, а действия представителей таких лиц не являются действиями этих обществ или установлений. Действовать способны «только люди, а не формы их совместной деятельности»⁵.

Приводятся и такие соображения: система отношений, понятная и удобная для юриста, знающего пределы применения фикции, непонятна простому человеку; избытие фикций и вымыслов при установлении правовых понятий в системе гражданских прав создает «отчужденность этого права от жизни»⁶.

Весьма интересны рассуждения о семантике слова «юридический», в которых ясно выражена мысль о допустимости применения термина «юридическое лицо» к человеку⁷.

Появление учения о юридическом лице обусловлено поисками удобного способа урегулировать отношения собственности с их участием, способа простого и не требующего особых юридических построений. Юридическое удобство и состояло в том, чтобы распространить институты, применяемые к физическим лицам, на союзы этих физических лиц. Сработал метод аналогии, и используемым аналогом стал правовой институт участия физических лиц в имущественных отношениях. Однако явных признаков сходства между двумя вышеназванными фигурами – явной (человек) и условной или вымышленной юристами (совокупность людей) – не было. Методика, основанная на аналогии, считается допустимой, но она не имеет абсолютной доказательной силы. Данное обстоятельство, относимое к методологии юриспруденции, предопределило дискуссионность проблемы юридического лица.

¹ Там же.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 15-16.

Об этом размышлял и Л.Л. Герваген, уточняя, что союзы людей (у него общества и установления) «исполняют обязанности человека»¹. Говоря о признаках лица применительно к этим образованиям, он отмечал, что это не свойства человека, а свойства «формы совместной деятельности людей»². Указывая на несостоятельность всех теорий о юридическом лице, автор высказывается против применения к союзам людей терминов, имманентных живым людям. Например, им отвергается термин «организм»³.

Существенным признаком лица признается возможность обладать правами, ибо признаки личности устанавливаются правом (законом), а они признают общества и установления обладателями прав. Таким образом, «свойство лица имѣють всѣ и все, кому или чему закономъ приписано способность имѣть права»⁴, но такие формы совместной деятельности людей не обладают дееспособностью. Субъектом права может быть только лицо, способное совершать действие, предоставленное правом, сознательно обнаруживать свою волю, т.е. люди.

В этих соображениях дается представление о субъекте права как о фигуре активной. К тому же семантическая полнота термина «субъект права» предполагает абсолютную способность лица проявлять себя автономной и жизнеспособной личностью, наделенной правами и обязанностями. Логика Л.Л. Гервагена такова: не в состоянии иметь права образования, которые не обнаруживают ни сознания, ни воли. Признание законом действий органов обществ (представителей) действиями самих обществ не столько не устраняет факта отсутствия сознания и воли обществ, сколько подтверждает факт сознательного обнаружения воли лишь представителями этих обществ⁵. Посылу «лицо в праве есть всякий обладатель права» автор противопоставляет иное начало – всякий реальный обладатель права есть лицо в праве⁶.

Утверждая, что безосновательно признавать действия представителя действиями представляемого, Л.Л. Герваген полагает, что учение о юридическом лице «может быть замѣнено учениемъ объ обязанностяхъ людей предпринимать дѣйствія отъ имени и въ интересахъ другого человека (опекаемаго, довѣрителя, хозяина) или же какого либо общества или установления (союза людей)»⁷.

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 17

³ Там же.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 21.

Все союзы, в том числе государство и даже неразрешенные союзы, представляют собой реальные силы, они функционируют со сменяющимся составом участников, но главное, а это воля, энергия и деятельность таких союзов, и их обеспечивают люди «и только их дѣйствія имѣють, силою особаго закона или устава, извѣстныя послѣдствія для всего союза»¹.

У всех союзов публичного права может быть свое имущество, но права собственности в субъективном смысле, исходя из самого понятия об этом праве, у союзов нет, ибо таковое присуще только людям. Фактически действия предпринимает не союз, а его члены, обязанные руководствоваться интересами союза, или иные представители как реальные участники правоотношений².

Имеет ли значение олицетворение общественных союзов для других отраслей права? Не останавливаясь подробно на изложении соответствующих тезисов, отметим, что ученый обосновывает мнение о том, что уголовное, полицейское, государственное и международное право, также как и любая иная отрасль права, не нуждаются в присвоении свойств личности союзам людей³.

Возвращаясь к вопросу о собственности, Л.Л. Герваген пишет, что союзы, пользующиеся правами юридического лица есть лишь формы совместной деятельности людей, а потому «они сами по себѣ не въ состояніи проявлять какое либо господство надъ вещью»⁴. Фактически такое господство над имуществом союза имеют те люди, «на которыхъ возложена обязанность распорядиться имуществомъ даннаго общества или даннаго установленія въ интересахъ его»⁵. Обратного, утверждает правовед, «до сихъ поръ еще никто не доказалъ»⁶.

Вопрос о представительстве связывается с правом «человѣка, имеющаго обязанность распорядиться чужою собственностью въ интересахъ собственника, предпринимать по отношенію къ этой, ему чужой, собственности всевозможныя дѣйствія за исключеніемъ дѣйствій, имѣющихъ своею исключительною цѣлью нанести другому человѣку вредъ или де причинить ему непріятность»⁷.

Учение о юридическом лице в несколько ином изложении предлагается заменить «особымъ ученіемъ объ обязанностяхъ лицъ (людей) дѣйствовать въ интересахъ другого человѣка или какого либо общества либо установленія и о послѣдствіяхъ дѣйствій таковыхъ людей

¹ Там же. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 23-32.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Там же. С. 48.

для другого человека или какого либо союза людей и об условиях, при которых таковыя последствия наступают»¹.

Интересы представляемых лиц рассматриваются в концепции Л.Л. Гервагена как цель действий представителей обществ и установлений, обеспечиваемая устанавливаемыми для этих представителей обязательствами.

В действительности, даже с точки зрения закона, права имеет не сам союз, а люди, которые совместно действуют в этом союзе. Подчеркивается, что имущество может выделяться (приобретаться) на имя союза, но действия совершают люди от имени союза и с определенными последствиями для данного союза².

Соответствующим образом решается и терминологическая проблема – заменить термин «юридическое лицо» на другие, что автор называет спором о словах. Им признаются допустимыми такие словосочетания, характеризующие реальные общественные силы и имеющие юридическое значение, – «разрешенное правительством общество» (или установление) или «разрешенный правительством союз». Более удачными видятся Л.Л. Гервагену такие термины, как «юридический союз», «юридическое общество», «юридическое установление»³, но все же, по мнению ученого, разрешенные объединения не должны признаваться личностями (лицами), а задача науки в праве состоит в том, чтобы «стремлением к истине, возможностью обобщать только действительныя явления жизни и группировать их по признакамъ, взятымъ изъ действительной жизни, – раскрывать истинное значение в области права союзовъ людей, разрешенныхъ правительствомъ безъ примѣненія какихъ либо фикцій»⁴.

Весьма необычно воспринимаются мысли о наступившей поре сдать в архив заблуждений юридической мысли учение о союзах как юридических личностях⁵.

Повторим вышесказанное: Л.Л. Герваген весьма категорически высказывается по исследуемой проблеме, например, «учение о юридическомъ лицѣ не только несостоятельно и ложно, но оно и совершенно лишнее, да и вредное!»⁶.

Свое учение автор завершает положениями утвердительного характера о праве собственности в объективном смысле (если кратко, то это соответствующие указания закона), о праве собственности в субъективном смысле (это определенное состояние человека по

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 68-69.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 32.

отношению к вещи, а в отношении фиктивных личностей этот термин неприменим), об опекунах, органах управления союзами и поверенных (имеют обязанность распоряжаться чужой собственностью в интересах собственника и право предпринимать в ее отношении разрешенные действия)¹.

Вводя в рассуждение слова «не люди», обозначающее все объекты, которые признаются юридическими лицами, ученый подчеркивает активную роль в правоотношениях именно человека.

В целом работа свидетельствует о научном подходе Л.Л. Гервагена к разрешению проблемы юридического лица, что проявилось в предложении новой концепции юридизации различных союзных отношений, в отрицании им соответствующей модели, построенной на основе фикции, несмотря на ее включение в законодательство ряда европейских государств и постепенное проникновение ее элементов в российское право.

Таким образом, Л.Л. Герваген предложил реалистическую концепцию правоотношений с участием сообществ и последовательно развивал свое учение о субъекте права на протяжении тридцати лет. Его взгляды выстроены на действительных моментах общественной жизни, основаны на анализе исторических материалов о философии права и правовых текстах, повествующих о древнегреческих и древнеримских правовых идеях и нормах, а также научных взглядах современников и действующем законодательстве, содержат анализ фиктивных юридических конструкций и оценку как схожих, так и несхожих признаков персон, признаваемых субъектами права.

С методологической точки зрения в своих умозаключениях он старался избегать метода вымыслов и одним из первых, если не первым, определил задачу вытеснения фикции не только из учения о лицах, но и из учения о праве собственности, объяснив эту позицию тем, что использование фикций не способствует выработке в праве истинных понятий правовых явлений.

Среди детерминант эволюции правовых представлений о нереальном субъекте права называется определенный интерес служителей церкви к имущественным обретениям, выразившийся в персонификации самой церкви. По мнению ученого отсутствуют признаки сходства между двумя явлениями – явным и социально-природным, к которому мы относим человека, и, хотя и отражающим социальную сторону жизни общества, но неявным, мнимым явлением – юридическим лицом как вымыслом.

Четыре проанализированные им группы теорий о мнимых субъектах права связаны с разрешением вопросов о понятиях лица, субъекта права, субъективного права и права собственности, и истоком каждой из них было определено римское право, а основным недостатком – отход от

¹ Там же. С. 83-84.

объективной оценки реального в правоотношениях, наличие противоречий и умножений фикций. В этих теориях применен метод аналогии с целью использования норм об участии человека в имущественных отношениях для «включения» в эти отношения сообществ людей и предметов как особых персон. Однако этот метод юридизации фактически несуществующих отношений ученый признал не имеющим абсолютной доказательной силы. Псевдоперсоны не обладают свойствами человека и не могут иметь права собственности в субъективном смысле (отрицание правоспособности юридического лица), поскольку фактическое властвование над имуществом в этом случае осуществляет представитель союза – человек. Тем не менее, учитывая нормы гражданских законов, он допускал приобретение имущества объединениями физических лиц, но с иным юридическим оформлением и признанием как факта того обстоятельства, что права будет иметь не сам союз, а члены этого союза.

Исходя в своих рассуждениях из предложения своего учителя Н.Л. Дювернуа изучать реальные явления, Л.Л. Герваген, развивая взгляд Р. Иеринга на союзное образование как на обращенную во вне форму, радикально пересмотрел подходы к решению вопроса о юридическом лице и отталкивался от известного: реальность состоит в том, что люди объединяются в союзы для получения определенных благ и таких союзов много; в каждом таком союзе формируются органы управления и для участников устанавливаются правила внутрисоюзного поведения; эти правила для каждого участника союза является объективным правом, определяющим субъективное право и субъективную обязанность участника; у союзных образований отсутствуют свойства человека и фактически действия могут совершать только люди как члены союза, выполняющие функцию администраторов, а сам союз при наличии правовых установлений о нем приобретает значение правовой формы объединения его участников; действия представителей таких союзов следует признать не действиями воображаемых (мнимых) лиц, а действиями их уполномоченных физических лиц, выражающих интересы сообществ.

В рамках юридической филологии была подмечена проблема языкового выбора точного выражения правовых явлений, чтобы именно точное словесное описание становилось фундаментом последующих заключений в праве. Разделение субъектов права на физических и юридических лиц основано на фикции, а не на анализе действительных явлений общественной жизни. Терминологическую проблему автор снимает предложением использовать иные термины, исключая слово «лицо» (юридический союз, юридическое общество или юридическое установление).

Многие юристы акцентировали внимание в союзных образованиях на имуществе, но в новой трактовке важное значение придано труду человека. Тогда все сообщество становится не только правовой формой объединения имуществ, но и правовой формой совместной деятельности людей.

Завершающие утверждения таковы: право собственности в субъективном смысле – это определенное состояние человека по отношению к вещи; к фиктивным личностям термин «право собственности» неприменим; органы управления союзных образований имеют обязанность распоряжаться общей собственностью, которая для них является чужой, и совершать с ней разрешенные действия. У союзов людей не может быть имущества, но оно может выделяться для союза при условии, что речь идет не о правоспособности и, тем более о дееспособности союза, а об юридическом обособлении такого имущества с привязкой его к определенному изначально, но меняющемуся составу членов союза, и об управлении таким имуществом представителями союза.

Как полагал Л.Л. Герваген, олицетворение союзов и вещей не обязательно для любой отрасли права. Он называл лишним и вредным учение о юридическом лице в виду его логической несостоятельности и ложности.

Действительно, в конструкции юридического лица усматривается использование тройной фикции – признание коллективов людей или имуществ единичной личностью, признание воли представителей этой личности волей самой искусственной личности, признание действий этой личности реальными. В конечном итоге выразилась мысль о замене учения о юридическом лице учением об обязанности людей действовать в интересах иных лиц или совокупностей лиц, именно эти интересы должны определять целевые ориентиры таких администраторов.

Ученый высказывает мнение о необходимости уменьшения правового поля для применения фикции и, в частности, отрицает необходимость конструкции юридического лица в праве и законодательстве, последовательно развивая идею о возможности устройства общественных отношений без использования искусственной юридической личности на основе института представителей общих интересов и их обязывания осуществлять необходимые к удовлетворению коллективных интересов действия.

Особое мнение Л.Л. Гервагена открывает нам направление сравнительно-правовой оценки института юридического лица в формационном аспекте.

Библиографический список

1. Александров Виктор. Учение о лицах юридических, по началам науки: Рассуждение студента Имп. Моск. ун-та, Юрид. фак., 4 курса Виктора Александрова, "удостоен. золотой медали". М.: Унив. тип. (М. Катков и К^о), 1865. – 150, II с.
2. Высшее чиновничество Российской империи [Текст]: краткий словарь / С.В. Волков. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. – 798 с.: ил.
3. Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице / соч. Л.Л. Гервагена. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. – XV, [1], 91 с.
4. Герваген, Л.Л. Обязанности как основание права / Л.Л. Герваген. СПб.: тип. Штольценбурга, 1908. – 207 с.
5. Герваген, Л.Л. Институтъ собственности, какъ основаніе системы гражданскихъ правъ, и ученіе о юридическомъ лице / Л. Л. Герваген. Пг.: [б. и.], 1917 (тип. Я. Башмаков и К^о). – VI, 85 с.
6. Евецкий, А.А. О юридических лицах / [Соч.] А. Евецкого. Киев: тип. аренд. Д. Повальским, 1876. – [2], 63 с.
7. Мейер Д.И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. – 3-е изд., испр. согласно определениям новейшего законодательства. СПб.: Н. Тиблен, 1864. – [4], VI, [2], 790 с.
8. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт о истории римского права / [Соч.] Сергея Муромцева. М.: тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1875. – [6], 189 с.
9. Неволин К.А. История российских гражданских законов / Соч. Константина Неволина. Т. 1-3. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1851. – 3 т.; 22. Книга вторая об имуществах. Раздел третий о правах на действия лиц и раздел четвертый о наследстве. – X, 546 с.
10. Памятная книжка Виленской губернии... Вильна: Вилен. Губ. Стат. Ком., 1850-1915 – 18-22. на 1897 год – 1896. – 363 с.
11. Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С 4-18.